

Левтолстовцы из Астапова
(взгляд на топонимическую адаптацию населения)

Курьезные ситуации вокруг имени и фамилии русского писателя возникали еще при его жизни. Он сам иногда иронизировал над кратким и емким именем *Лев*. Эти случаи описаны в толстоведении.

Но сейчас речь не об этом.

Дело в том, что в традиционном произношении имя и фамилия Л.Н. Толстого давно слились в единое фонетическое целое, образовав устойчивое ономастическое сочетание «Левтолстой». Ранее, в XIX в. и при жизни писателя в начале XX в., этот неологизм был немыслим, а почему, догадаться нетрудно. Тогда еще употреблялся титул, которого сам писатель-опрошенец всячески избегал. Этот титул не давал современникам обратить имя собственное в нарицательное и не позволял ввести в повседневную речь новую достаточно курьезную лексему.

Однако с течением времени, когда традиционная культура обращения сошла на нет и титулы утратили значение (в советский период), ситуация вокруг имени Льва Толстого резко изменилась. Вспомнили его отрицательное отношение к собственному сословию. Одновременно обратили внимание на отрекшегося от прошлого графа Алексея Николаевича Толстого, четвероюродного племянника Льва Николаевича. Тот из графов превратился по собственному почину в товарища, и это отразилось и на отношении к Льву Толстому. Оба – один при жизни, а другой после смерти – перестали считаться графами.

Надо заметить, что и литературные персонажи произведений Льва Толстого с тех пор подверглись не менее уничижительным переименованиям. А именно: авторским обозначением героев «Войны и мира», «Анны Карениной» и

других произведений стали открыто пренебрегать, «упростив» и укоротив их дворянские имена. В результате в литературе, в школьных программах и в кинематографе вместо «законных» князя Андрея, графа Вронского или княжны Марьи появились неведомые дотоле никому Андрей Болконский, Алексей Вронский, Марья Болконская и проч.

Между этим характерным для своей эпохи явлением и тем, что нам довелось наблюдать в поселке «Лев Толстой» Липецкой области, просматривается очевидная связь. Так называемое упрощение номинатива, произошедшее с именем графа Льва Николаевича Толстого, напрямую отразилось на духовной стороне жизни бывших *астапчан* или *астаповцев*.

Уже многие годы они именуются *левтолстовцами*. Можно ли, например, объяснить иностранцу значение этого слова? Мы сомневаемся. На память приходят, конечно, печально известные толстовцы, осаждавшие семью писателя в последние годы его жизни. К тому же суффикс *-ец(-цы)* получил широкое распространение лишь в советский период. Проезжая через нынешний поселок «Лев Толстой» на вопрос, как именовались его жители до переименования, получил ответ: *астапчане*. Так было принято во многих городах. И хотя Астапово никогда не являлось городом, название *астапчане* плавно вливалось в общий ряд ему подобных.

О том, как называются вчерашние астапчане сегодня, спрашивать не пришлось – в этом поселке повсюду развешено множество плакатов с уцелевшими советскими призывами, которые обращены к *левтолстовцам*. Топоним *Астапово* нигде не фигурирует. В результате такой обработки население, насколько довелось в том убедиться из личных наблюдений, утратило память о настоящем названии малой родины и совершенно его не употребляет.

С подобным поведением интересно сопоставить психологию жителей недалеко от тех мест отстоящего города Чаплыгина, который до 1948 г. назывался Раненбургом (производное от Ораниенбург). Оба населенных пункта расположены в одной и той же Липецкой области. Тем не менее, обитатели современного Чаплыгина в бытовой речи крайне редко употребляют топоним *Чаплыгин*. Это вызвано, по всей вероятности, двумя обстоятельствами. С одной стороны, – попыткой возвращения культурных ценностей, сделанной в период начала 1990-х годов. С другой – сохранением до сих пор первоначального исторического названия железнодорожной станции Раненбург.

В Астапове (т.е. в современном поселке «Лев Толстой») в период переименования были уничтожены все свидетельства о прежнем названии. И даже от престарелых старожилов мне ни разу не удалось его услышать. А все объясняется очень просто. Любой язык, в особенности часто употребляемая лексика, стремится к упрощению и краткости. Сегодняшним жителям поселка гораздо удобнее выговаривать современное название, сокращая его до одного слога. Они никогда не произносят его целиком, тут и там слышно только: *Лев*.

Инициаторы переименования вряд ли догадывались, какую услугу оказывают деревенским обитателям, которые, судя по их равнодушию к названиям, не проявляют никакого интереса ни к элементарной логике, ни к собственной истории. Для них важнее то, что это название быстро проговаривается, и все его понимают.

Общение в транспорте происходит примерно следующим образом:

- На Лев пойдет автобус?
- Вы до Льва?
- Нет, я опосля Льва схожу.
- А мне вот во Льве лампочки купить... и т.д.

Или: по дороге встречаются указатели «Левтолстовский райсовет», «Левтолстовское отделение связи» и проч., на иных из которых название написано отдельно «Лев Толстовский». Видимо, срабатывало подсознание художников. Это напоминает множество случаев, когда в обиходной речи склоняется лишь последняя часть отыменного урбанонима: улица Лев Толстого, в поселке Лев Толстого и т.п. Не исключено, что во всех этих случаях не последнюю роль играет омонимическое сочетание личного имени и названия известного животного. Ведь другие мужские имена не постигла такая участь. Все они нормально склоняются, не вызывая никаких ассоциаций.

Помимо народного экспериментирования с заведомо «непроходным» топонимом, этот последний варьируется еще в новейшем самоназвании жителей. С взрослыми дело обстоит так, как и рассчитывали авторы переименования. Но с детьми вышло намного комичнее: в поселке и окрестностях их называют *львятами*. Двое подростков, ехавших в автобусе, хвастались, что в их поселке делают *львовские автобусы*.

Однако переплетение этих казусов, создавшее изрядную путаницу, никого, кажется, не смущает. Мое устное указание на то, что граф Л.Н. Толстой скончался на станции Астапово, ввергло в недоумение молодого водителя, который так и не понял, что речь идет об одном и том же географическом объекте.

Из встреченных мною эргонимов как наиболее характерное можно отметить сокращение «Левтолстойгазстройдеталь» или «Левтолстойрегионгаз». Существуют «Левтолстойпищеторг», «Левтолстовское автохозяйство» и т.п.

В устной народной речи название, обозначающее поселок и станцию, как правило, не склоняется («поедем через Лев»). Но в автобусной кассе говорят иногда: «Дайте один до Льва Толстого», отделяя таким образом официальное

употребление от просторечного. Фамилия же вообще никогда не употребляется в качестве топонима без имени. Имя находится впереди словосочетания и в сознании населения в обозначении топонима играет более существенную роль. Впрочем, о роли фамилии вовсе можно не говорить, ее почти нет. Это указывает на абсолютную непригодность неестественного, надуманного географического названия.

Подвергнувшись бездумному переименованию, Астапово попало в один ряд с Гжатском, Лихвином, Орловом, Раненбургом, Самарой и многими другими населенными пунктами, названными в советское время по именам родившихся, либо умерших там исторических лиц. Но самая ощутимая беда здесь, как и во многих городах, заключалась не столько в факте переименования, сколько в последовавшей за ним утрате чувства собственной истории местным населением, которое искренне убеждено, что Гагарин родился в «Гагарине», а Лев Толстой умер во «Льве Толстом».

Приведенный выше пример с историческим названием железнодорожного узла Раненбург мог бы послужить хотя и ненадежным, но все же образцом для того, как можно было избежать курьезных ситуаций. Иными словами, первоначальное название изменять вообще не следует. В России это производилось с совершенно конкретной целью — не для мнимого увековечения, а для забвения истории. Вспомним екатерининский указ о переименовании Хлынова в Вятку. Этим рескриптом царица пыталась добиться забвения неприятных событий, а на самом деле забывается сама История (как это произошло с названием Астапова).

Кроме обозначенных последствий этого переименования, нельзя упустить еще один. Ведь оно повлекло и оскорбление памяти великого писателя, имя которого превратилось в бытовое нарицательное понятие с элементами народного вульгаризма.

Липецкий топоним *Астапово* пытался сохранить хотя бы

в памяти читателей современный толстовед Г. Николаев, написавший в 1970-х годах роман о последних днях и уходе Толстого под таким же названием: «Астапово». Невозможно представить эту книгу под другим заглавием, например, «Лев Толстой». Название безвестной когда-то станции обрело историческое звучание именно в дни, когда Россия наблюдала за происходившими там печальными событиями, а не после них. И называться она должна только так, как ее называли современники Льва Николаевича Толстого.